

УДК 34.01

КУЛЬТУРА, ЦЕННОСТИ, ПРАВО

Л.Ю. Айснер, кандидат культурологии

С.В. Бершадская, ст. преподаватель

ФГБОУ ВПО Красноярский государственный аграрный университет,

г. Красноярск, Россия

Аннотация: Статья посвящена проблемам исследования правовых ценностей в контексте культуры. Авторы приходят к выводу, что культура и право как важнейшее её звено должны быть развернуты в сторону перспектив совершенствования человека – участника общего дела через сотворчество, соразвитие, сотрудничество с обществом в целом.

Ключевые слова: культура, правовые ценности, общественная и личная безопасность, ценностное сознание, конкуренция культур, социальное творчество.

Annotaciya: The objective of this article is to consider legal values in the context of culture. The article makes special reference to the idea that culture and law being its main component should address perfection of a person through co-creation, co-development and co-operation with the society in general.

Key words: culture, legal values, social and personal safety, awareness of values, cultural competitiveness, social creative work

Рассматривая правовые ценности в историческом и актуальном контексте культуры, мы сталкиваемся, прежде всего, с социальными и этическими ценностями, действие которых простирается на многие другие сферы общественных отношений, включая право. Они объективно являются связующими средствами, факторами духовной и материальной консолидации общества, залогом его культурного развития. Если в нормах и институтах права

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

выражаются ценность доброты, справедливости, честности, добросовестности, правдивости, если право направлено на утверждение ценностей свободы, всеобщего благосостояния, общественной и личной безопасности, социальной взаимопомощи, то тем самым правовая система ставит себя на службу высшим идеям и целям, выработанным всем ходом культурного развития общества. Хотя вклад права в реализацию ценностей высшего порядка может быть более значительным, чем он есть на самом деле, все эти ценности стоят над правом и в своем осуществлении полагаются не только на его возможности. Закон не делает людей добрыми и справедливыми. Право само по себе не приносит людям политической свободы и материального благосостояния. Всего этого им следует добиваться политическими и экономическими способами, которые, во всяком случае, не должны вступать в прямое противоречие с действующим законодательством. Всем своим существованием право обязано высшим социальным и этическим ценностям: оно служит им, использует их для своеобразной разметки «правового поля», достигаемой нормативными средствами, прошедшими через ценностное сознание. Первичное разделение объектов правового регулирования (действий, событий, предметов, актов, процессов, процедур и т. д.) на добрые и злые, справедливые и несправедливые, добросовестные и недобросовестные и прочие носит изначально ценностный характер. Такое разделение, можно сказать, «задает тон» правовому регулированию и всей системе права, помогает отделить «правовое» от «неправового» по критериям, более глубоким, чем те, которые положены в основу практического, формального различения действий, отвечающих юридическим нормам, от действий, которые им противоречат.

По общему и верному убеждению, право должно быть справедливым, но из этого не следует, что можно отождествить право и справедливость хотя бы на понятийном уровне, или считать справедливость, как это часто делают, исключительно правовой категорией. Существует шкала ценностей и самые высшие из них – добро и справедливость, политическая свобода и материальное

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

благополучие – даны праву как некие «социально-культурные задания» в расчете на определенные этапы развития общества. Само по себе право не в состоянии долго удерживать на стабильном уровне свои ценностные характеристики, оно колеблется от большей к меньшей справедливости, допускает в разные периоды неодинаковое развитие личной свободы и прав человека. Историческое движение права, связанное с изменением его ценностных характеристик, происходит циклически. Некоторые теоретики права (в России – С.А. Муромцев, в США – Р. Паунд) заметили, что переходы от эпохи жесткого и далее тиранического права к периодам относительно гуманного и справедливого права вполне определенно коррелируются с циклами культурного развития общества под знаком его нравственного, духовного подъема. Самое ценное, что высокая культура дает праву, – это связь с нравственностью и ее ценностями. Хотя право есть неотъемлемая часть культуры, имеет самостоятельное культурное значение, оно, обретая указанную связь, получает дополнительные, мощные каналы воздействия на общество. Уровень культуры отражает меру воспроизводимости в повседневной жизни факторов порядка в противовес хаотическому состоянию общества.

Гегель, сравнивая культурные народы с варварами, заметил, что варвары, вследствие грубости своей натуры, не умеют ценить удовольствия⁴. Тем самым он выставил напоказ одну из черт культурного общества, которая долгое время оставалась в тени, считалась вполне респектабельной. В природе такого общества лежит некоторое гедонистическое начало, позволяющее людям видеть в культурном развитии источник улучшения условий и средств удовлетворения жизненных потребностей, телесных и душевных. Что же представляет собой культура как сфера ценностей? Она не обязательно там, где люди вкусно едят, красиво одеваются, полностью удовлетворяют свои «основные инстинкты», живут в роскошных дворцах, располагают изощренными средствами избавления от житейского однообразия и скуки. Она – не в пестроте и изобилии, а в опыте человеческой солидарности, стремлении людей нормативно

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

и организационно поддерживать порядки, позволяющие каждому из них прожить жизнь со смыслом, оставить после себя мир следующим поколениям, хотя бы в частично улучшенном виде. Вполне возможно, что данный тезис покажется некоторым современным реалистам дискуссионным, но ведь современная культура во многом является гедонистической и потребительской по своей направленности. Соблазны подобной культуры велики и это по-настоящему опасно для человечества, ибо влечет за собой диспропорциональность в мировом развитии, появление новых и углубление старых противоречий.

Перелом в культурном развитии человечества, необходимость которого ощущается многими людьми в различных регионах мира, должен привести к созданию экономических, политических и иных условий развития всех существующих в мире культур. Нынешней «конкуренции культур», в результате которой «привлекательный» и «конкурентоспособный» Запад выкачивает интеллектуальные ресурсы, прибирает к рукам природные богатства стран, не умеющих либо не желающих за себя постоять, должна быть противопоставлена альтернатива справедливого мирового порядка, заключающая в себе шансы развития всех культур, представленных в современном мире. Многое должно измениться, но, прежде всего отношение людей к природной и социальной среде. Право внутри культурного сообщества, также как и вне его – международное, глобальное право, должно быть развернуто в сторону общечеловеческих ценностей. Акцент должен быть поставлен на формирование справедливых и гармоничных отношений между людьми, коллективами, организациями, на усиление принципов солидарности, взаимопомощи, ответственности человека за состояние общества и государства, создание необходимых условий для социального творчества, при которых каждый человек смог бы полнее раскрыть свои способности и таланты. Это те идеалы и ценности, которые давно известны и могли бы вновь стать основой эры сотрудничества и солидарности. Их девизом могут быть слова замечательного

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

русского философа Н.Ф. Федорова: «Нужно жить не для себя и не для других, а со всеми и для всех»⁸. Когда это будет возможным, тогда оживут многие утопии, превратятся в реальность светлые мечты человечества.

Призыв к солидарности не нов, он выражен в религиозной заповеди о любви к ближнему, во многих религиозных и нравственных системах, пытавшихся найти в человеке нечто светлое и благородное, пробудить в нем отзывчивость к нуждам других людей, живущих с ним в одном коллективе, в одном обществе, в одной стране, в одном мире. В солидарности, рассматриваемой как идея и ценность, заложена антитеза чистого эгоизма и альтруизма. Она отрицает эгоцентризм индивидуальный, групповой, национальный, классовый и всякий иной. Кто только для себя («для меня», «для нас с вами») устраивает благоденствие, не помышляя о других, предоставляя каждому заботиться о самом себе, кто ревниво хранит свою призрачную монополию на счастье, того ожидают горечь отщепенства, общественного презрения, и почти неизбежно – социальная конфронтация, умножающая зло и несчастья в мире. Повышая меру взаимопонимания между людьми, солидарность снимает и чистый альтруизм, выявляет неразумность, бесполезность и неестественный характер частых требований к человеку отречься от себя якобы во имя высших идеалов, жертвовать личными интересами и даже жизнью ради неких великих дел, которые на поверку оказываются сомнительными, а то и вовсе бесполезными. Чтобы полнее выразиться в отношениях солидарности с другими людьми, человек вовсе не обязан отвергать себя. Напротив, он должен обогащать свою индивидуальность, постоянно совершенствоваться как личность, потому что только при этих условиях он будет по-настоящему способен «жить со всеми и для всех», быть интересным для других. С этой точки зрения каждая неудачно прожитая жизнь, несостоявшиеся жизненные планы, нереализованный индивидуальный потенциал, каждый «вычет» из того, что является достоянием человека – есть урон общему делу, потеря возможностей развития общественного целого.

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

Культура и право как важнейшее её звено должны быть развернуты в сторону перспектив совершенствования человека – участника общего дела через сотворчество, соразвитие, сотрудничество с обществом в целом. Жизнь человека, упустившего реальные шансы оставить след в этом мире, оказавшегося не нужным обществу, есть пустота и срыв в движении универсума; такой человек как бы зря рождался. Понятием культуры охватываются качества человеческого сообщества, а не отдельной личности. Благодаря развитию культуры, общество способно совершенствоваться, быть сегодня лучше, чем вчера. Когда говорят о совершенном человеческом обществе, обычно имеют в виду определенные нравственные критерии типа добра, свободы, справедливости, равенства, братства. Но нравственность, как известно, не является продуктом природы, она создается людьми, обществом и тогда получается, что человечество совершенствует себя на основании критериев, которые оно само для себя изобретает. Ведь людям свойственно ошибаться, они часто принимают за образец совершенства то, что в действительности таковым не является. Пределы всевозможных социальных улучшений лежат в актуальном сознании людей, в том, что они сами далеко не в бесспорном порядке признают «лучшим на сегодняшний день». Можно ли всё это назвать подлинным совершенствованием?

Позитивная общежитейская значимость нравственных категорий, можно считать, подтверждена объективно. В нравственных нормах и принципах сконцентрирован опыт биологической и социальной эволюции человека, который оказался успешным, ибо человечество, не один раз стоявшее на краю гибели и вырождения, всё же выжило, и продолжает доказывать свою жизнеспособность перед лицом апокалиптического будущего и грядущих космических катастроф, вероятность которых не исключена. Если мы спросим себя, что лежит в основании данного эволюционного успеха человека, то, прежде всего, необходимо назвать культуру, религию и нравственность. Экономика и право до известного периода могли участвовать в этом процессе

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

на их условиях. Скептическое отношение «деловых людей» к нравственным категориям может быть преодолено и преодолевается индивидуальным и социальным опытом. На практике индивид всегда предпочитает иметь дело с честным и справедливым партнером, никакие предупреждения строгих позитивистов об иллюзорности понятия «справедливый» с толку его не собьют. Кроме того, во многих нравственных понятиях, если не во всех, скрыто присутствует объективный момент, привнесенный в них заботой о сохранении человека и человечества как биологического вида. Например, милосердие, признанная добродетель, позволяет отдельным слабым людям выжить в моменты их слабости, в периоды чрезвычайных событий, войн и всяких неурядиц либо сохранить здоровье, получить нужные жизненные условия, которые они сами в силу разных причин создать для себя не в состоянии. Для тех же, кто милосерден по отношению к другим, важно понимать, где, когда и как следует оказывать помощь людям, где она жизненно необходима, а где может развратить слабого, сделать его еще более слабым, зависимым от чужой воли, поколебать основу его жизнестойкости, снизить волю к творчеству, способность самому справляться с собственными проблемами. Моральная заповедь «не убий!» самым непосредственным образом охраняет биологическое существование человека; к тому же, собственно, направлены запрет инцеста и некоторые нормы половой морали.

Вообще говоря, нравственностью человечество защищает себя от физического и духовного вырождения; нравственностью оно побеждает мировые стихии, ищет, преодолевая хаос и случайность, и утверждает свое должное место в универсуме. В этом смысле за нею признается инструментальное значение, из которого вытекает необходимость использования нравственных средств для достижения высоких и дорогих для человека целей. Что это за цели, откуда они берутся, и кто их перед нами ставит? Невозможно ответить на эти вопросы, не обратившись к миру ценностей и идеалов, в которых дано подлинное откровение о человеке,

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

раскрыт глубинный замысел человеческого феномена. Не находя твердой опоры в мире сущем, либо обретя в нем лишь нечто суетное и случайное (вроде богатства, частной собственности и других источников внешней удовлетворенности земной жизнью), человеческий разум непринужденно и полно развернулся в мире должном, создал ценности и идеалы, рисующие образы человека и человечества, какими они должны быть. Ценности и идеалы, которые стремится реализовать человек, принадлежат к сфере нравственных долженствований, к, своего рода, заповедному полю, пространству и полигону, где постоянно и непрерывно испытываются новые, более совершенные формы общественной жизни. Мир должного не так уж «чист», как полагали неокантианцы, и он не отделен «китайской стеной» оттого, что есть, реально существует.

Должное при определенных условиях трансформируется в сущее – в этом «секрет» морального, правового и иного социально-нормативного регулирования общественных связей. Поэтому ценности нам интересны тем, что они могут осуществляться, вносить новизну в повседневность, делать жизнь более яркой и разнообразной. Идеалы, будучи оправданием трудно достижимых целей, нужны для того, чтобы вопреки препонам и противодействиям твердо держать курс на высший, совершенный результат общественных и индивидуальных усилий. Вот это и есть ответ на поставленный выше вопрос – можно ли объективно совершенствовать общество на базе субъективных, в конечном счете, нравственных установок.

Сегодня привычный для технократической эпохи стиль общественных преобразований при помощи всякого рода моделей и алгоритмов привел к тому, что люди перестают доверять своему духовному выбору, нравственному чувству. Опыт ценностно-нейтрального мышления, представляющий мир в черно-белом цвете, и строго ориентированные на истину рационалистические методы постижения действительности не смогли указать верный путь к гармонии человека и природы, личности и общества. Существует множество

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

причин, по которым люди безгранично доверяют науке, но пришло время понять, что сам по себе научный подход не в состоянии раскрыть ценностную и нравственную природу социальных явлений, а без знания этой природы жизненная гармония недостижима. Человек как рациональный агент, действующий в мире, часто проявляет себя в качестве продуктивной производительной силы, занимает высокое положение в технизированном обществе, но при всем том он духовно ограничен, индифферентен по отношению к ценностям, не застрахован от нравственных падений. Как бы то ни было, но совершенствование человеческих отношений и улучшение качеств самого человека – это всегда ценностные и нравственные проблемы.

Современное состояние соционормативной сферы культуры вызывает известное беспокойство, связанное с тем, что некоторые нормативные регуляторы, активно действовавшие на протяжении веков и тысячелетий, существенно ослабели либо практически сошли на нет. Едва ли нужно сожалеть, что ушли в прошлое представления о сословной и корпоративной чести, патриархальные и общинные порядки, но вопрос о религии как нормативной системе, которую со времен Просвещения свободомыслящие люди считают несовместимой с магистральными путями развития человеческой культуры, далек от конечного решения. В технократическом сознании современного человека, прошедшего через этапы научно-технической революции, отношение к религиозным нормам и заповедям утратило твердую основу, а сама возможность следовать им рассматривается просто как функция свободы индивидуального выбора убеждений, т. е. свободы совести. Религия, как система регулирования человеческого поведения, в современном мире ослабила свои позиции.

Подобная угроза нависает сегодня и над нравственностью, повторяющей путь религии к культурному статусу, который она вынуждена занимать в наше время. Это путь релятивизации нравственного феномена, сведенного опять-таки к свободе личного выбора индивида. Если моральные убеждения одного

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

человека не лучше и не хуже убеждений другого человека, если каждый индивид должен прислушиваться к голосу собственной совести, выбирая общую норму для своего морального поступка, то моральная позиция, связывающая некоторое число людей, есть не столько нравственное, сколько статистическое явление, случайно образовавшееся множество норм, поэтому на них не следует полагаться в процессе регулирования многозначных жизненных ситуаций.

С устранением нравственных абсолютов и релятивизацией моральных ценностей открывается возможность обращения с моральными убеждениями по тому же принципу, который давно принят в отношении религиозных верований. Принцип состоит в том, чтобы объявить их частным делом, опредметить в качестве личного права человека. А то, что становится правом, выходит из сферы обязанностей и долга, оно осуществляется или не осуществляется по усмотрению субъекта, по его желанию и воле.

Известная юридическая максима гласит: никто не может заставить человека реализовать свое право. Сегодня свобода совести есть конституционное признание права человека свободно, без всякого принуждения определяться, быть ли ему религиозной или нерелигиозной личностью либо быть «свободным от всякой религии», выбирать веру «по своему вкусу», менять религиозные взгляды по мотивам, относительно которых он ни перед кем не отчитывается. Предположение, согласно которому схема, лежащая в основе свободы совести, отвечающая «благой» цели идеологии Просвещения ослабить, ограничить вековечное господство религии, может быть распространена на моральные убеждения человека, сегодня еще может казаться утопией. Тем не менее, опасность подобного распространения вполне определилась. Нынешний либеральный закон избирательно строг в случаях действительных или воображаемых угроз экономическому и политическому строю общества, но снисходителен к проявлениям имморализма в его массовых формах. Относительно мирно сосуществует он с алкоголизмом, курением табака,

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

индустрией азартных игр, проституцией, гомосексуализмом, сложившейся системой развращения молодежи через средства массовой информации и другие каналы. Не используются, как следует, нравственные институты и возможности морального регулирования в борьбе закона с наркоманией, детской беспризорностью, торговлей людьми, особенно женщинами и детьми. Власти «цивилизованных» стран полагаются в этом деле, главным образом, на силу государственной репрессии, полицейских мер, тогда как нравственные аргументы, вытекающие из них методы противодействия имморализму, не принимаются всерьез. Хотя нравственное творчество, в общем, не иссякает, появляются новые и меняются старые представления о должном поведении, но большинство из них носят квази-нравственный характер, содержат разорванные и перевернутые образы «доброто» и «злото». Одним словом, действие морали как нормативно-регулятивной системы за последнее столетие заметно ослабело, она все чаще уступает место сомнительным регуляторам, компрометирующим общепризнанные нравственные ценности.

Одной из причин современного нравственного кризиса является разрушение нормальных генетических связей между основными нормативно-регулятивными системами – правом, моралью и религией. Уже несколько столетий мораль отделена от религии, в результате чего она стала относительной, размытой в ценностном отношении, снизилась роль морального авторитета в обществе. Секуляризация нравственных институтов и появление светской морали связаны, конечно, с некоторыми позитивными изменениями в рассматриваемых сферах, но они, эти изменения, не смогли предотвратить спад духовности в мире, который человечество сейчас переживает. Можно ли установить должный порядок вещей, восстановив связь морали и религии, полностью признать авторитет Бога в сфере нравственности, – в этом вопросе скрыта надежда на относительно простое решение проблемы, сложность которой люди, очевидно, недооценивают. Многие из того, что было в данной сфере, не подлежит возрождению, ибо новая реальность вынашивает новые

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

решения, требует нетрадиционных подходов, стратегий, методов. Будущие поколения столкнутся с принципиально иными связями в нормативно-ценностном мире, в котором будет по-новому представлена как религия, так и нравственность.

Мораль в эпоху позитивизма постепенно утрачивала связь и с правом. Цепочка факторов, осуществляющих нормативную регуляцию, оказалась разорванной и в этих звеньях. Утверждается, что мораль в силу своей относительности, текучести и субъективизма не способна действовать в едином ритме и в строгой согласованности с правом, регулятором стабильным, опирающимся на твердый политический авторитет государства. Нередко подчеркивают и, кстати сказать, преувеличивают, различие ценностной структуры морали и права, их целевую разнонаправленность и т. п. Под сомнение поставлены нравственные основания права.

В XX в. соционормативная культура на Западе и в России столкнулась с весьма симптоматичным явлением: право все чаще рассматривают и используют как основную регулируемую систему, которая будто бы может заменять собой другие нормативно-регулятивные системы, явно ослабевшие (религия) или быстро слабеющие (мораль). Вместо решительного пересмотра предубеждения в отношении религии или укрепления сильно пошатнувшихся моральных устоев общества, сегодня предпочитают нажимать на рычаги правового регулирования ради обеспечения хотя бы видимости социального порядка. Поскольку почти на каждую сложную общественную проблему приходится реагировать принятием нового закона, которого в нормальных, т. е. некризисных условиях общественной жизни, могло и не быть, происходит неоправданный рост законодательства по известному еще с ветхозаветных времен принципу «закон на закон, правило на правило».

Повышенные надежды на право как на всемогущий регулятор, способный компенсировать недостаточную активность других регулирующих систем, не оправдываются. Отягощенная несвойственными ей задачами, перегруженная

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

лишними нормами, правовая система теряет многие регулятивные возможности. Вследствие перенапряжения всех своих механизмов, искажения функций, потери или деформации структурных связей с другими нормативно-регулятивными системами появляется риск перехода права в нерформируемое состояние; во всяком случае, его способность адекватно воспринимать позитивные инновации неуклонно понижается.

Многие люди считают, что сложившаяся в области права ситуацию не стоит драматизировать, ведь описанные выше симптомы и признаки ослабления правовой регуляции укладываются в достаточно длительную полосу исторического времени.

О кризисе права ученые-юристы говорят уже давно. Глубочайший кризис западного и российского правосознания констатировал известный русский ученый П.И. Новгородцев в конце XIX – начале XX вв.; кроме этого имени можно назвать множество других. Если в XXI столетии приходится говорить то же самое, то не следует ли предположить, что все разговоры о болезненных процессах в сфере права основаны на поспешных выводах. Не принимаем ли мы «естественные мутации права», которые сами по себе тяжелы в любое время, но в эпоху массового индустриального и постиндустриального общества приобретают в особенности усложненный характер, за признаки вырождения и упадка? Не занижены ли наши представления о системных качествах права, его способности сопротивляться деструктивному влиянию негативных факторов, восстанавливаться, приходить в себя после неудачных реформ и разрушительных революций?

Если признать, что критический дух современной культуры, действительно, расчищает путь социальному пессимизму, иногда, пожалуй, слишком легко, провоцирует упадочнические настроения, то и тогда едва ли можно снять тревогу за будущее права. Критика действующих правовых систем, которая исходит из разных секторов общества, от общественного сознания и науки, затронула фундаментальные, самые глубинные тенденции

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

правового развития. Особую тревогу вызывает именно то, что на протяжении веков данные тенденции не претерпевают изменений к лучшему, они, напротив, усугубляются, вызывают все новые осложнения и проблемы.

Истинной «коррозией» права с давних пор является его коммерциализация. Она, что бы нам не говорили, является непосредственной причиной и катализатором цивилизационного кризиса, в котором, кажется, надолго завязла юриспруденция, не способная преодолеть инерцию грубого материализма и прагматики в сфере юридических отношений, устранить подмену правовых ценностей критериями стоимости в денежном выражении. Современное право буквально на наших глазах превращается из источника надежд на правду и справедливость в инструмент обслуживания коммерческих интересов, потребностей экономической элиты, сильных финансовых и промышленных олигархий. Болезнь коммерциализации захватила сегодня публичное право, конституционные институты, избирательные процедуры, сферу административных отношений, связи между гражданином и государством, достигла самых высот публичной власти, но в нем, публичном праве, пока еще нет такой сплошной концентрации коммерческого духа, какая существует в праве частном.

Степень коммерциализации правовой системы определяется, прежде всего, тем, в какой мере власть денег, денежного капитала, банков и иных финансовых учреждений способна контролировать государственную власть, парламент, правительство, суд, местное самоуправление. Власть денег даёт преимущество тем, кто обладает ими в больших количествах, она — антидемократична, антиаристократична, вообще безразлична к любым элитам, если образованы они не по принципу богатства и денег. И, наконец, в основе своей она антиправовая, так как, абсолютизируя институты частного права, куплю-продажу, распространяя их на всё и вся, она основательно перемешивает правовую сферу, разрывает нормальные структуры права, заменяет их импровизированными порядками. Возникает теневая система квази-

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

юридических отношений, создаются условия для появления продажного правосудия, коррупции в органах исполнительной власти. Если социальные последствия коммерциализации права всем хорошо известны, то гораздо хуже мы представляем себе цивилизационную опасность этого явления. Чтобы выжить, человечество в целом и отдельные страны должны взять под контроль крупные финансовые центры, отделить политическую власть от экономической, вернуть деньгам их обычную функцию быть платежным средством на рынке товаров и услуг.

Если согласиться с тем, что смысл экономики в любом человеческом сообществе состоит в удовлетворении материальных и иных общественных потребностей (а не в чем-либо ином, например, в беспредельном росте доходов), то нельзя не поразиться той легкости, с какой современный бизнес уклоняется от программ удовлетворения некоторых общественных потребностей на том основании, что они, будто бы, представляют собой «коммерчески невыгодный проект». Невыгодно содержать «непроизводительную» часть населения, детей, стариков, инвалидов, больных, обременительны расходы на проведение экологических мероприятий, содержание музеев и мемориалов и т.п. Государство, которое и само весьма неохотно тратит бюджетные средства на подобные нужды, в этих случаях не считает возможным требовать от частного бизнеса обязательного участия в этих расходах, ограничивается призывами к весьма ненадежным формам спонсорства и благотворительности. Отказ в финансировании каких-либо общественных начинаний либо «финансирование по минимуму» стали частым явлением в жизни «рыночного» общества, в общественной жизни России. Возникает и углубляется фундаментальное противоречие между рыночной экономикой и культурой, а право и стоящее за ним государство, утрачивающие способность заставить экономическую элиту работать на общество и его потребности, могут оказаться, в конце концов, заложниками этого противоречия, вынужденными либо полностью потерять свое лицо, стать

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

придатком крупного частного предпринимательства, соединившись с ним на антиобщественной основе, либо в запоздалых попытках вернуть себе доверие общества действовать более решительно.

Социальные изменения в России конца XX – начала XXI вв. дали огромный поучительный материал, касающийся оценки некоторых экономических и юридических явлений в общем культурном контексте. Нас уверяли, что существует лишь одна экономика, способная быть продуктивной, – свободный рынок, что переход к нему, передача материальных и иных ресурсов в частные руки откроют путь к быстрому экономическому росту, в результате чего Россию ожидает прекрасное будущее. Однако, действительно ли, свободный рынок является формулой человеческого прогресса и ему нет альтернативы? Рынок и его юридическое отражение – частное право – существуют для общества, для человека, а не наоборот. Они должны занимать свое место в человеческой жизни, не покушаясь на её разнообразие и полноту. Не рынком единым живет человеческое общество, не им одним движется культурный прогресс. Свободный рынок заведомо не в состоянии обеспечить жизненные перспективы всех людей и всех народов на принципах равенства, справедливости и солидарности, он не может этого сделать в рамках одного общества, не говоря о мире в целом.

Экономическая система, выражаемая понятием «социально ориентированный рынок», в сущности, не меняет эти тенденции, она лишь смягчает противоречия, сокращает до приличного уровня (как это сделано, скажем, в Швеции или Дании) разрыв в экономическом положении богатых и бедных, гасит очаги общественного недовольства, предотвращает серьезные социальные конфликты. С помощью такой системы экономическая элита отказывается от некоторых возможностей относительно легкого обогащения, уступая часть своих доходов (например, в форме прогрессивного налогообложения), и тем самым способствует облегчению жизни малоимущих и неимущих слоев населения.

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

Люди и сегодня допускают ошибку, когда понятие «рынок» связывают только с фигурой предпринимателя, а успехи продвижения рыночных отношений – с эффективностью предпринимательской деятельности. Кроме промышленников, торговцев, финансистов на рынке действуют превосходящие их по численности категории работников, потребителей, покупателей. У каждого из этих слоев имеется свое представление об эффективной экономической системе. С точки зрения последних, эффективность экономики означает вовсе не рентабельность, доходность какого-либо предпринимательского дела, не высокие шансы производителей в конкурентной борьбе, а получение необходимых для обеспеченной жизни зарплаток, наличие сравнительно недорогих и доброкачественных товаров и услуг. Достаточно высокие зарплаты и связанный с ними уровень платежеспособного спроса населения при разумном потреблении образуют комплекс факторов, без которого экономический процесс невозможен. Достижение последнего является результатом усилий всего общества, члены которого ради этого должны хорошо работать, справедливо распределять, культурно потреблять.

Когда, обращаясь к государственным органам, наделенным полномочиями в отношении экономических структур, постоянно говорят: «не вмешивайтесь в деятельность коммерческих организаций, надо меньше администрировать, контролировать, лицензировать, регистрировать», то понятно, что этот «самотек» в частной сфере нужен и выгоден крупному и крупнейшему бизнесу, но отнюдь не мелким и средним предпринимателям. Для них конкуренция и ограничения свободы предпринимательства в публичных интересах есть, скорее, благо, чем зло, ибо это значит, что существуют все же некоторые публичные гарантии против нечестности, недобросовестной конкуренции, произвола и алчности сильного соперника. Основным материальным источником, определяющим поведение государства в экономической сфере, лежит, в конечном счете, не в самой рыночной экономике и не в области его правового регулирования, а в устройении связей гражданского общества и государства,

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

экономического и политического порядка, положении человека и гражданина в системе социальных отношений. В конечном же счете вопрос упирается в состояние культуры общества.

Таким образом, все значительные экономические и юридические проблемы могут быть оценены в позитивном или негативном аспектах не иначе, как при рассмотрении их в нравственной плоскости, в контексте культуры. Ценности обладают удивительной способностью высвечивать подлинную суть того, что происходит в экономике и праве. Они образуют угол зрения, под которым человеческие действия, общественные события, социальные нормы, институты, реформы могут оцениваться совершенно не так, как это может быть сделано на основе утилитарно-прагматических критериев. Кто стремится создавать новое, пытается открывать, изобретать, совершенствовать формы жизни, вынужден проделывать большие объемы якобы «бесполезной» работы, затрачивать немалый труд и время на неудачные опыты, бесплодные дискуссии, приблизительные решения, варианты и проекты, т. е. на то, что сегодня бескомпромиссно осуждается как невыгодная, экономически неоправданная деятельность. Подозрения падают на фундаментальную науку, неутилитарные виды социального творчества, редкие занятия, не способные выбрасывать на рынок массовый продукт, уникальные и трудоемкие производства («грамм добычи – год труда»), энтузиазм людей, увлеченных решением необычных задач. Но все эти виды творческой деятельности, часто признаваемые «нерыночными», с точки зрения культуры являются необходимыми. Лишь в культурной перспективе они могут быть оправданными, высоко оценены потомками, причислены к героическим делам, которыми движется социальный прогресс. В отношении к ним требования культуры, органичной и целостной, должны перевешивать доводы «рыночной целесообразности».

Но что такое требование культуры, что представляет собой культурный императив? Чтобы получить ответы на эти вопросы, мы должны были бы вернуться к определению культуры как воплощенной в предметах и мышлении

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

человеческой истории. Укажем лишь, что люди не вольны в выборе культуры, ибо она есть, собственно то, что каждое новое человеческое поколение, придя в мир, находит готовым, сложившимся или, по крайней мере, уже существующим в своей незавершенности, проблематичности. Поэтому нет ничего парадоксального в том, что, будучи результатом деятельности человека, культура приобретает по отношению к нему значение объективного фактора. У культуры свои законы, свои императивы, своя логика, которые выше исторической случайности и субъективного произвола. Более того, она достаточно сильна, чтобы подчинить людей своим законам. Каждое человеческое сообщество не может быть ниже достигнутого работой предшествующих поколений уровня цивилизации, этого ему не позволят общие исторические закономерности, требования эпохи, наконец, императивы культуры. В связи с этим культура характеризуется тем, что дает закон, и тем, что ставит исторически определенный тип общества в ситуацию подчинения этому закону, собственным культурным требованиям. Часто продукты социального творчества, например, юридические законы прошлых эпох, могут лишаться реальной силы или потерять всякий авторитет у последующих поколений людей, но как культурные факты они остаются, откладываются в анналах культуры, сохраняют культурно-историческое значение. Историзм культуры выражен, однако, не столько в ее особых структурах, позволяющих людям актуализировать факты давно прошедшего времени, рассматривать, может быть, даже использовать их в своей сегодняшней жизни, сколько в механизмах непрерывного действия общественных законов, которые объективны, обязательны и проявляются в каждую данную эпоху по-разному. В том и состоит поразительное своеобразие культуры, что она предельно сближает прошлое и настоящее, подводит общий итог человеческому развитию, переводит в единую практически-деятельную плоскость факты, возникновение которых относится к самым различным историческим эпохам. То, к чему люди определенного поколения привыкли относиться как к своему достоянию, в чем

Вестник Восточно-Сибирской открытой академии

видят они необходимые и неотъемлемые характеристики данной эпохи, в действительности есть зримо представленная им, опредмеченная история человечества, следствие непрерывной эскалации в производстве культурных фактов (артефактов) и передачи их от одного поколения к другому. Всеобщность понятия культуры, ее законов и норм отражает единство, присущее всей человеческой истории в целом.

Библиографический список

1. Алексеев Н.Н. Русский народ и государство. М., 1998.
2. Безлепкин Н. Философия языка в России. СПб., 2001.
3. Богуславский М.М. Культурные ценности в международном обороте: правовые аспекты. М., 2006.
4. Гегель. Политические произведения. М., 1978. С. 314-315.
5. Глобальные трансформации: политика, экономика и культура/пер. с англ. Д.Хелда и др. М., 2004.
6. Гусейнов А.И. Право как феномен культуры. М., 2006.
7. Право и культура/колл. монограф. под общ. ред. В.К. Егорова. М.: Изд-во РАГС, 2009. – 464 с.
8. Федоров Н.Ф. Сочинения. М. 1982. С.400